

18+

Александр Клыгин

# Избранное

Рассказы

# Александр Клыгин

# Избранное. Рассказы

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=59975083](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59975083)*

*ISBN 9785005151339*

## **Аннотация**

Сборник избранных рассказов, написанных между 2006 и 2011 годами, составленный автором в 2020 году. Впервые опубликован новый рассказ «Welcome to Samarra».

# Содержание

Александр Клыгин	5
Welcome to Samarra	6
I am (intro)	14
Пустота	19
Пустыня	24
Конец ознакомительного фрагмента.	41

# **Избранное Рассказы**

**Александр Клыгин**

© Александр Клыгин, 2020

ISBN 978-5-0051-5133-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Александр Клыгин**  
**Избранное**

# Welcome to Samarra

Топая вдоль шоссе, я увидел впереди рекламный щит с надписью «Добро пожаловать в Самару, Ростуризм». Казалось бы, ничего особенного. Если бы я приближался к городу Самаре или к любому из городков Самарской области – всё понятно.

Но прикол в том, что Самарская область очень далеко отсюда. И – на юго-востоке. А шоссе, вдоль которого я иду, ведёт на север. Чуть впереди – место, возле которого меня должен подобрать водитель с Блаблакара, у меня в руках тяжёлая сумка и совершенно некогда отвлекаться на то, чтобы достать смартфон и сфотографировать этот странный рекламный щит.

Впрочем, «фотография» этого места и этого момента осталась у меня в памяти – а это намного надёжнее, чем фотографии на плёнке или даже цифровые. Плёнка повреждается со временем, цифровое фото – набор единиц и нулей, который легко стереть, обратить в полное небытие. То же можно сказать и о моей памяти – она легко распадается и обращается в небытие, но! Несколько уважаемых учёных вплотную подошли к доказательству того, что информация вечна – если это окажется верным, то мысленный снимок рекламного щита и всего этого момента просуществует целую вечность, как и моё сознание, меняющее личности тысячи

лет, вертящееся в весёлом лототроне с шариками в надежде вырвать счастливый билет в то, что называется «нирваной».

Почему я рассказываю об этом странном рекламном щите? В ту минуту, что я стоял, опустив на землю сумку и разглядывая надпись «Добро пожаловать в Самару», глубоко внутри меня шевельнулось и всплыло на поверхность нечто – прежний я. Та личность, которая в своё время добровольно погрузилась куда-то глубоко, самоизолировалась от окружающего мира и уже много лет никак себя не проявляла.

Этот «прежний я» при виде странной рекламы вострепнулся впервые за годы, всплыл на поверхность сознания и подумал:

«Наверно, где-то рядом скрывается вход в параллельный мир, в некую мистическую Самару, не имеющую ничего общего с городом Самара в России на реке Волге. А увидеть такой рекламный щит – значит получить приглашение в эту таинственную Самару!»

Ох, уж этот прежний я... он мыслил иначе, примерно вот так. Его звали Александр Клыгин, он был писателем – широко известным в узких кругах в конце первого десятилетия двадцать первого века, в те самые «ужасные стабильные нулевые» и всё такое прочее.

Но – вы читаете эти строки именно по той причине, что он проснулся и выбрался на поверхность перед рекламным щитом возле шоссе. После мы с ним посоветались и приня-

ли ряд решений. Например, решили, что этот текст напишу всё-таки я. И то, что мы опубликуем на Ридеро сборник избранных рассказов Александра и кое-что из его старых произведений. Причина очень проста – возможно, где-то существует хоть один читатель, желающий приобрести бумажную книгу с текстами Клыгина. А именно бумажных изданий – не выходило, только очень маленький тираж повести «Приключения Джона Дебри». Значит, если мы не сделаем подобной публикации, то помешаем этому единственному читателю удовлетворить его желание. Нехорошо. Надо исполнять желания людей, если ты на это способен – это уже моя точка зрения. Александру на чужие желания глубоко пофиг.

Итак, мы стояли и смотрели на рекламный щит, тихо спорили друг с другом. У меня было желание просто взять сумку и идти дальше. Александр же был уверен, что где-то вот прямо рядом спрятан вход в мистическую Самару... назовём её Samarra, чтобы не путать с городом на Волге – и мы должны прямо сейчас отыскать то состояние сознания, в котором можно этот вход увидеть. Да, именно так Александр и мыслил, к сожалению. Это позволило ему удачно проверить кое-какие дела... но и помешало довести всё задуманное до конца. Впрочем, неважно.

Наш спор завершился тем, что я предложил Александру представить себе, будто он пишет рассказ про мистическую Самарру – и сейчас охотно предоставлю слово ему.

Привет! А вот и я!

Оглядываясь на прошлое, удивляюсь – за окном уже 2020-й год, пандемия коронавируса, мы идём вдоль шоссе в медицинской маске, съехавшей на подбородок – именно этим летом нам пришлось немного поездить по городам. Впрочем, я доволен. И сейчас охотно воспользуюсь советом – соберу свои лучшие рассказы из прошлого, оставлю к ним короткие комментарии из нынешнего момента, «Россия-2020». А чтобы ни у кого не осталось сомнений, что это и правда я – напишу ещё один рассказ, в котором попытаюсь объяснить, где я был и что делал всё это время.

Думаю, в процессе моего повествования мы попадём в Самару – потому что вход в неё прямо здесь. То есть, и вот точно здесь, и на шаг впереди, и на шаг позади. Даже сам рекламный щит – и есть вход. Вход – не конкретные географические координаты, а любая точка, в которой внимание разумного существа выхватывает из воспринимаемого мира рекламный щит «Добро пожаловать в Самару». Вот она, дверь – это место и этот момент. Мы стоим в дверях, но надо сделать шаг, чтобы войти. А этот шаг делается не ногами, а серией манипуляций с вниманием – собственным и читательским. Вот ими я сейчас и занимаюсь.

Каждый творческий человек однажды обязательно задаётся вопросом – для чего я пишу? Одни пишут ради денег или славы, другие – чтобы почесать чувство собственной важности, третьи – чтобы произвести впечатление на девушек/пар-

ней... да много разных причин.

А кто-то пишет для того, чтобы изменить самого себя к лучшему.

На самом деле, существует много разных способов изменить себя. Просто так получилось, что мне подошёл этот. Наверно, это значит, что я очень ленивое существо – может быть.

Чтобы изменить себя, можно записаться на фитнес или занятия йогой. Можно сесть на велосипед и поехать из Нижнего Тагила в Сочи без копейки денег, выкладывая подробные отчёты в соцсетях и собирая хайп. А можно начать сочинять и записывать русский рэп – кстати, это делать я тоже пытался, но в те (уже далёкие) годы не было под рукой подходящего оборудования и программ, которые сейчас есть у каждого школьника. Мне бы тогда эту «ФЛ Студио», о-о!

Поэтому я принял решение менять себя самым простым и доступным мне способом – создавая новый вордовский файл и набирая в него буквы. Иногда эти наборы букв становились осмысленными, иногда – прикольными, а некоторые из них даже нравились окружающим людям.

Для чего нужно менять себя? Ответ на этот вопрос достаточно прост – для того, чтобы выбраться из той среды, где обитаешь. Оглянитесь вокруг – вам нравится та среда, где вы обитаете? Вы довольны своим домом, квартирой, этой самой «жилплощадью»? Вам нравится вид за окном? Соседи? Общественный транспорт и состояние экологии в вашем горо-

де? Если вас всё устраивает – поздравляю, вам совершенно незачем «менять себя». У вас и так всё хорошо.

Мне же в своё время не нравилось ничего из того, что меня окружало.

В определённый момент мне повезло (или наоборот – не повезло?) вычитать в какой-то книге мысль о том, будто окружающий внешний мир – отражение нашего внутреннего мира. И если хочешь, чтобы вокруг тебя изменилось всё – начни менять что-то внутри себя.

Это было интересно. Я оглянулся и подумал, что живу в аду. С внешним миром я всё равно не мог сделать вообще ничего, поэтому занялся внутренним. А вдруг сработает?

Так постепенно набирался объём текстов, часть из них была показана другим людям и даже опубликована на электронных библиотеках. Согласно законам диалектики, количество обязательно однажды должно было перейти в качество и... это произошло. Нет, не улучшилось качество моей прозы – в какое-то новое качество перешёл я сам. А чуть позже я улучшился настолько, что вообще перестал существовать. По крайней мере, писать тексты больше не имело смысла. Внешний мир за пределами моей оболочки изменился полностью – и я сам даже не ожидал, что удастся зайти так далеко по пути перемен. Я был совершенно доволен видом из окна, качеством своего жилья, общественным транспортом, состоянием экологии в городе и даже был доволен людьми, которые были в поле моего восприятия.

Это был успех. Но встал вопрос – надо ли продолжать писать тексты? Подумав, я дал отрицательный ответ. Не было ни одной причины продолжать этим заниматься. Да и свободного времени не осталось – 24 часа в сутки я с интересом контактировал с новым миром вокруг себя.

Правда, осталась привычка что-то записывать – и для собственного наслаждения я написал ещё несколько текстов за несколько лет. Правда, все они – незаконченные. И может быть, лишены смысла. Но мне нравился сам процесс.

Сейчас, в 2020 году, оглядываясь по сторонам, я вспомнил свои давние тексты. Они давно живут своей жизнью в сети. Часть из них мне даже страшно вспомнить, а другой частью могу уверенно гордиться, получилось нечто классное. Понятия не имею, читает это кто-нибудь или нет, я с размещения на электронных библиотеках ни копейки не заработал. Но ведь это и не было изначальной целью.

А сейчас – позвольте с гордостью представить сборник избранных рассказов Александра Клыгина, написанных в нулевые и начале десятых!

Александр замолчал, так ничего и не объяснив про Самарру – а ведь у него были какие-то мысли. Я взял сумку, сделал шаг вперёд, другой, третий. Воздух вокруг замерцал и заискрился. Когда это прошло, больше не было шоссе и рекламного щита. Передо мной, под нежным оранжевым небом, раскинулся футуристичный городской скайлайн – та-

кого я не видел никогда, нас явно занесло в параллельный мир. Впрочем, такое случилось уже не в первый раз, и я думаю – не в последний. На въезде в футуристический город, между потоками светящихся летающих машин, в воздухе висело табло с мягко переливающейся разными цветами надписью «Welcome to Samarra».

«Ах да, забыл сказать, – шепнул мне на ухо Александр. – Я никогда в жизни не употреблял вещества. И оказалось, что я еврей».

# I am (intro)

*Дожили) Перечитываю и ржу. Рассказ, на самом деле, бредовый – но именно его я поставил в начало сборника «Сэйнт Джордж» в 2008 году. Сделал такую самопрезентацию. Эта страничка текста полностью отражает меня тогдашнего – того самого человека, о котором я теперь могу говорить только в третьем лице. Был когда-то такой автор. Он написал вот это всё. Я вроде помню, что этим автором был я. И даже документальное подтверждение есть. Но... нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Поэтому, после моей самопрезентации из 2020-го, позвольте представить слово тому-автору-из-2008-го.*

*Ноунейм, 2020.*

Спасибо:

российскому алфавиту за предоставленные буквы,  
моему дедушке за уникальный набор генов,  
Солнцу за закаты,  
московскому метрополитену (за доставку меня  
из пункта А в пункт Б).

I am the pinnacle of man  
A superselling brand I am  
I am a record label scam  
The biggest in Japan I am.

Из песни «I am» группы «Army of lovers».

Доброе утро, день, вечер или иное время суток!

Если вы открыли этот сборник рассказов, вероятно, вы уже читали что-то из моих произведений. Если же нет – у вас все впереди.

Давайте познакомимся!

Мое имя Александр Клыгин. Я один из наиболее успешных и развивающихся брэндов в современной интернет-литературе. Да, я – интернет-бренд, набор единиц и нулей, превращающийся в осмысленную информацию на экране вашего, возможно, LSD-монитора.

Как сказал писатель Пелевин, у всякого брэнда своя легенда. Легенда и слоган брэнда «Александр Клыгин» звучит так: «Бред – это мой бренд». Авторские права на данный слоган и бренд защищены. Подделка преследуется по кармическим законам.

Если я – бренд, существую ли я в материальном мире? Или я есть нечто вроде тех духов, которых вызывают на спиритических сеансах? Если так, то в моем случае для вызова духа, известного под именем «Александр Клыгин», вам необходим компьютер, доступ в Internet и ссылки на электронные библиотеки.

Вы спросите, если «Александр Клыгин» – бренд, кто же его создал? Ибо у всякого брэнда есть создатель. И у бредового брэнда тоже.

Открою великую тайну: создателем брэнда «Александр Клыгин» является не кто иной, как сам Александр Клыгин. Разработкой брэнд-легенды и написанием всех текстов, опубликованных на этом сайте, занимается один человек, а не команда профессиональных текст-билдеров, как может показаться. Конечно, свой вклад вносят корректоры и администраторы сайта, за что им отдельное спасибо!

Кто же этот Александр Клыгин, создающий невнятные литературные произведения, начисто лишенные логики и здравого смысла? Поскольку в 2003 году Александр Клыгин достиг просветления (то есть сошел с Ума) и с тех пор пишет книги, он не может четко и ясно сказать, кто он. Ну, а стандартные отговорки просветленных типа «Я – лист, плывущий по реке» или «Я – перышко на ветру» можно не принимать в расчет.

Поэтому есть смысл обратиться за помощью к акулам пера, журналистам желтой прессы – и они нароют на Клыгина так много компромата, что удивится даже сам Клыгин. А если Клыгина не существует вовсе, компромат на него все равно нароют и тем самым вызовут Клыгина к жизни и существованию.

Так... И что же там раскопали наши акулы пера? Ого, оказывается есть множество противоречивых версий.

Версия 1. Клыгина вообще не существует. В пользу этой версии говорит фотография, где несуществующий Александр Клыгин стоит в обнимку с несуществующим Усамой

Бен-Ладеном. Оба улыбаются, а несуществующий Клыгин держит «рожки» над головой несуществующего Бен-Ладена.

Прежде чем отметить эту версию, поблагодарим за фотографию неизвестного дизайнера и последнюю версию программы «Adobe Photoshop».

Версия 2. Клыгин живет в коммуналке в Химках и просветляется вместе со своим соседом, египетским фараоном Хамэрхэдом. Когда эти двое встречаются на коммунальной кухне или в очереди перед коммунальным сортиром, они обсуждают принципы дзен-буддизма и древнеегипетской магии. Клыгин записывает все это на обрывках туалетной бумаги, и так рождаются его повести и рассказы.

Когда журналисты попросили фараона Хамэрхэда прокомментировать эту версию, он швырнул в них грязным памперсом и ушел кормить детей.

Версия 3. Клыгин – женщина. И не просто женщина, а царица Хатшепсут.

Журналисты были так шокированы, что спросили об этом у самой царицы Хатшепсут. Она не дала никаких комментариев из глубины своего саркофага.

Версия 4. Клыгин – лос-анджелесский миллионер. Ему вдруг со скуки пришла блажь писать фэнтези на русском языке.

Проверить эту версию не удалось. Единственный подходящий под описание лос-анджелесский миллионер по фамилии Карлайл умер в 1996 году. И фэнтези он писал на китай-

ском языке.

Версия 5. Клыгин – четырнадцатилетний школьник, свои повести он пишет под партой на уроках математики, честно делая вид, что спит.

Когда журналисты спросили об этом учителя математики, тот заявил, что Клыгин в 14 лет даже писать не умел – не то что повести, да еще под партой.

Однако акулам пера удалось точно узнать, как выглядит Александр Клыгин. Он – точная копия известного актера Джонни Деппа. Клыгин и Депп похожи не просто чертами лица, но и жестами, мимикой, манерой говорить и склонностью к психопатии.

Так что можно сделать вывод: когда-то давно Джонни Деппа клонировали. Клона забросили в дальнюю российскую провинцию. Там клон Деппа сошел с ума, стал дзен-буддистом и пишет романы, подписываясь именем «Александр Клыгин».

Все, написанное выше, является воплощением слогана Александра Клыгина «Бред – это мой брэнд», т.е. полным бредом.

# Пустота

*Рассказ был написан осенью 2006 года, практически за один вечер. Под впечатлением от городских пейзажей с мигающим фонарём и строительным краном в осеннем тумане. Но, несмотря на краткость и простоту... так получилось, что за прошедшие почти 15 лет я много раз цитировал самым разным друзьям отрывки из «Пустоты», они говорили: «Вау, круто!» Поэтому можно смело сказать, что рассказ проверен временем и имеет право оказаться в «Избранном».*

*Нунейм, 2020.*

Этот пейзаж идеально подошел бы к любому из рассказов Пелевина...

Мгла и серый туман холодной зимней ночи. Холод и пустота. Желтый свет редких фонарей, в котором вспыхивают белые снежинки... И посреди этого всего – человек.

Человек, одиноко бредущий из ниоткуда в никуда, без всякой цели и без единой мысли в голове. Тротуары вдоль больших дорог – самые забытые богом места. Иногда кажется, что точки света в темноте слева – огоньки окон домов, в которых плотно закупорен покой и уют, как джинн в бутылке. Но стоит только взглянуть вперед и чуть вверх, как становится ясно, что это все иллюзия, а реальна лишь серая

пустота, в данный момент представленная в виде тумана.

Впереди и чуть слева стройка – если так можно назвать огромный подъемный кран, возвышающийся над жалкими развалинами, разбросанными по грязному снегу. Подъемный кран зачем-то украсили гирляндой красных лампочек, вспыхивающих каждые три секунды. Может быть, это лишь потому, что приближаются новогодние праздники, а скорее всего, это просто желание неведомого человека противопоставить хоть что-то всепоглощающей пустоте...

Но у того, кто повесил лампочки на подъемный кран, ничего не вышло. Если бы не было этого крана и тем более этой дурацкой гирлянды, пейзаж был бы не столь ужасающим. Без этого металлического чудовища серая пустота выглядела бы всепоглощающей, но не пугающей. А так... стоит только взглянуть на мигающий в темноте кран и бездну серого тумана, сливающегося с морозной ночной мглой позади этого крана... Сразу содрогаешься, понимая ничтожество человеческих сил перед пустотой. Кран, как огромный fuck, которым Человек грозит неведомому. А страшно становится не потому, что неведомое нисколько не пугается этого крана. Страшно потому, что неведомое вообще не замечает его – последнюю надежду и угрозу отчаявшегося человечества...

Или, например, фонари. В такую ночь сразу понятно, как бессильно человечество, в иррациональном страхе швырнувшее во тьму эту сеть электрических огней, чтобы расцветить ночь. Фонари – они вроде бы светят. Но на них давит

сверху все та же всепоглощающая пустота. Вот некоторые из них уже не горят – некому заменить перегоревшие лампы. А вот и герой среди фонарей – он сражается с пустой темнотой до последнего. Он вспыхивает и горит секунд тридцать, но пустота давит на него – и он снова гаснет. Тьма наплзает на землю в том месте, где фонарь еще недавно создавал светлое пятно. Кажется, что тьма уже победила, но нет! – фонарь снова вспыхивает, снова освещает угол своего перекрестка положенные тридцать секунд и... снова отступает. Нет, с этой мглистой пустотой все не так просто.

А поток машин, несущихся на максимальной скорости от пробки к пробке? И в каждой машине сидит уверенный в себе человек, изнутри направляющий своего железного монстра к неведомой нам, но четкой и ясной для него цели. И таких людей много – они проносятся нескончаемым потоком автомобильных фар, возникающих из пустоты и снова растворяющихся в ней. На пару секунд (или на пару столетий) можно даже подумать, что мир людей реален, можно поверить во все те нарочито уверенные речи, которые они произносят друг перед другом, уверяя всех и, прежде всего, самих себя, что все в порядке, что они живут в объективном материальном мире, который подчиняется законам, известным Человеку... Ха! И еще раз Ха! Даже не нужно никого разубеждать, достаточно всего лишь отвести взгляд от шоссе и взглянуть налево, туда, где красной гирляндой грозит пустоте обреченный подъемный кран. А если еще глядеть

на этот мгlistый морозный туман через узкую щель дощатого забора... Становится совершенно ясно, что ничего не изменилось.

Эта пустота всегда была, всегда есть и всегда будет. В детстве мы чувствуем ее острее – в серых сумерках дождливого дня, в утреннем тумане, в зимние вечера, когда мир темнеет за считанные минуты. Можно до бесконечности убеждать себя, что ты повзрослел и избавился от глупых детских страхов, можно до бесконечности загружать свою голову идеей научно-технического и культурного прогресса, который когда-нибудь приведет нас к свету... Это все – только слова, создаваемые людьми для защиты от пустоты. Многие даже думают, что это – очень эффективная защита. Что ж, может быть. По крайней мере, те, кто вооружен словами, не замечают этой пустоты вокруг себя – они могут видеть фонари, «Мерседесы», «Хаммеры» и «Порше», подъемный кран, украшенный нарядной гирляндой. Но пустота остается пустотой, она окружает и поглощает тех, кто видит подъемный кран и не видит тумана за ним. Люди не замечают не только того, что пустота где-то рядом. Они не замечают и того, что она давно поглотила их со всеми потрохами.

Снова вспыхивает на положенные тридцать секунд погасший было фонарь. Пустота за подъемным краном безмолвствует, хотя она могла бы посмеяться над бесплодными попытками фонаря дать ей отпор. Но: на то она и пустота. Она не смеется. Она не торопится. Когда-нибудь лампочка в фо-

наре перегорит окончательно. Для пустоты время не имеет значения. Когда фонарь сдается, она поглотит и его.

Пустоте спешить некуда.

# ПУСТЫНЯ

*Перечитывая, сам удивляюсь – совершенно не помню, как я написал этот текст. Странно, что эти слова когда-то пришли в моё сознание, но так как рукописи не горят – значит, пришли. Совершенно не помню, когда и при каких обстоятельствах я это написал. Уточнить несложно – тогда я всё тщательно документировал. Где-то сохранён файл, в нём проставлена дата завершения работы над рассказом, ссылки на первые размещения сборника в электронных библиотеках... по прошествии энного количества лет это всё кажется шелухой) А рассказ – вот он.*

*Однажды наткнулся – на одном инет-форуме меня вспоминали анонимусы, кто-то из них припомнил именно «Пустыню». То есть, из всех моих наборов букв человеку запомнился именно этот рассказ. Значит, что-то в нём такое есть, чего даже я сам, возможно, не замечаю. Словом – в Избранное.*

*Ноунейм, 2020.*

В этой точке мира не было ничего – так что даже не казалась странной древняя легенда о том, что неподалеку находится край земли, с которого можно упасть. Это и был край земли, только невидимый обычному глазу. И пусть ученые доказывают, что упасть отсюда невозможно, а люди все же

иногда падали. Неведомо куда.

До самого горизонта простирался лишь желтый песок и синее небо – вдалеке они сливались в одну волнистую линию, которая отмечала конец всего. А если этого пейзажа вам недостаточно, прибавьте к этому жаркий, раскаленный, дрожащий воздух и невиданную сухость, которая ощущалась как огромная внутренняя пустота. И все это – и воздух, и небо, и пустыня – было для нее лишь декорацией, ширмой, за которой притаилось неведомое.

На деревянных ступенях крыльца сидел старик в шляпе. Его длинные седые волосы спускались далеко ниже плеч, кожа его была покрыта коричневым, почти черным, загаром – видимо, он жил здесь уже не первый год. Полуприкрытые карие глаза смотрели на пустыню.

Подняв в воздух облако пыли, около гостиницы затормозил джип – еще один в веренице машин на стоянке.

– Это отель «Desert Rose»? – крикнул человек из джипа.

Видимо, он обращался к сидящему на крыльце старику, но тот и ухом не повел. Пустыня не любит криков. Впрочем, нельзя сказать, что она их ненавидит – пустыне просто по фигу. Все равно, что слону мертвый комар.

Не услышав ответа, только что прибывший гость повторил свой вопрос, но старик опять промолчал. Поняв, что не добьется ничего вразумительного, гость припарковал машину, выключил мотор и вышел из раскаленного салона под палящие лучи Солнца.

Рядом с автостоянкой расположился отель, хотя вернее будет сказать, что автостоянка располагалась рядом с отелем. Но здесь все было настолько нелогично, что ни один из гостей этого отеля не мог бы точно сказать, что рядом с чем расположено.

Отель был не просто старым. С первого взгляда казалось, что эта деревянная постройка простояла здесь лет пятьсот и вот-вот развалится. Тем не менее, за открытыми окнами виднелись новые шторы, а судя по еле слышному звуку шагов, в отеле кто-то жил. Да и кроме всего прочего, на ступенях крыльца сидел старик в шляпе.

Гость подошел поближе к старику и увидел, что рядом с крыльцом на песке валяется вывеска «The Desert Rose Hotel».

– По крайней мере, я попал по адресу, – пробормотал гость себе под нос.

Немного подумав, он спросил у старика:

– Где мне найти директора отеля?

Старик продолжал смотреть на пустыню, не отрываясь. Гость встал перед ним, загораживая обзор, и снова спросил:

– Где директор этого отеля, я хотел бы здесь поселиться.

Старик не шевельнулся. Мало того, что не шевельнулся сам старик, не дрогнул ни один мускул на его лице. Он даже не моргнул. Было ощущение, что старик так долго смотрел на пустыню, что слился с ней в единое целое, и ему несколько не мешал придурок, загораживающий обзор.

Гость отступил на пару шагов в сторону и снова пробор-мотал себе под нос:

– А мне говорили, что здесь я смогу получить ответы на все вопросы.

– Правильно говорили, – отозвался старик. – Но это удовольствие в моем отеле стоит недешево. Или ты платишь сто долларов в день, или уматывай отсюда, пока не поздно.

– А, так вы – живой! – воскликнул гость. – Признаться, я уже начал в этом сомневаться.

– Зря, – ухмыльнулся старик. – Я живее всех живых, сколько бы не оспаривала у меня этот титул мумия дедушки Ленина.

– Отлично, так у вас есть номер? – спросил гость.

– Сто долларов в день, – ответил старик.

– Готов внести предоплату на неделю вперед, – сказал гость.

– На неделю вперед не надо, – ответил старик, вставая. – Пойдем. Ты можешь быть уверен только в сегодняшнем дне. Соответственно, ты можешь заплатить лишь за сутки вперед. Сейчас 17:24, – старик посмотрел на часы. – Значит, ты можешь жить здесь ровно сутки. Завтра в 17:24 мы с тобой либо продляем договор, либо я заселяю на твое место нового постояльца. Считай это местной экзотикой.

Они зашли в разваливающееся здание отеля, и старик распахнул дверь рядом с лестницей, ведущей на второй этаж.

– Вот, здесь есть кровать, если она тебе нужна, – продол-

жал старик, заходя внутрь. – Окна выходят на пустыню, здесь по-другому и не бывает.

– А это кто? – спросил гость, глядя на неподвижную фигуру в углу.

– Это Элис, – ответил старик. – Она здесь уже две недели сидит в позе лотоса. Я думаю, что она не будет тебя беспокоить. Тем более, раз уж ты решил искать ответы на вопросы, тебе вообще не стоит проводить очень много времени в отеле. Будешь бегать по пустыне. У меня иногда по пять человек в одном номере живут, и ничего. Большинство все время молчат. Ну что, берешь номер?

– Беру, – кивнул гость. – За сто долларов на сутки?

– Угу, – кивнул старик.

Гость достал из кармана бумажник, вынул сто долларов и отдал старику.

– Отлично, – кивнул старик. – Как тебя зовут?

– Уотсон, – ответил гость. – Майкл Уотсон. А вас?

– У меня нет имени, – ответил старик. – И никогда не было. В этом плане я – самый счастливый человек на земле.

– Как же мне вас называть? – спросил Уотсон.

– Хоть горшком назови, только в печку не ставь, – усмехнулся старик. – Пойдем, до заката еще есть время.

Они снова вышли на улицу, и старик направился в пустыню, как одинокий корабль в открытый океан. Уотсон немного задержался возле автостоянки. Пустыня слегка пугала его. Мир здесь становился каким-то плоским, чтобы ни твердил

Магеллан о том, что Земля круглая. Казалось, что стоит сделать шаг, другой, третий и... небо и песок пересекутся как параллельные прямые, а сам ты либо будешь раздавлен ими, либо навеки станешь частью двухмерного пейзажа. И поэтому Уотсон неотрывно глядел на старика, гадая, что же с ним произойдет.

Со стариком не произошло ни того, ни другого. Сделав несколько шагов, он просто исчез. Уотсон буквально подпрыгнул на месте. Любопытство захватило его настолько сильно, что для страха просто не осталось места. Он побежал туда, где только что стоял старик, надеясь увидеть там хоть что-то, кроме пустоты, желтого песка и синего неба... Но там не было ничего. Только желтый песок и синее небо. Тогда Уотсон обернулся, чтобы посмотреть на отель. И остолбенел – потому что отеля не было.

«Так, все в порядке, у меня солнечный удар и сопутствующие глюки, – подумал Уотсон. – Если я пойду в сторону отеля, то рано или поздно наткнусь на что-нибудь. Или на кого-нибудь».

И Уотсон уже хотел пойти назад, но не пошел. Потому что краем глаза увидел ее. Он застыл на месте, как вкопанный. Нет, опять глюки. Сейчас это пройдет, и больше не повторится. Сейчас она исчезнет... он уже привык. Но видение не исчезало. Тогда Уотсон осторожно, очень осторожно повернулся вправо. Она все еще стояла там и смотрела на него.

Уотсон много раз видел эту девушку – много раз, но лишь на долю секунды. Когда глубокий сон не желал отпускать его по звонку будильника, он видел ее. Когда доза алкоголя в крови превышала все возможные пределы, он видел ее. Когда мозг отказывался реагировать на суету большого города в час пик, он видел ее. Он видел ее как неясный образ, на долю секунды выплывающий из темноты перед закрытыми глазами. Она не была известной актрисой или фотомоделлю, в реальности он никогда не видел ее лица. Но она откуда-то приходила к нему во сне. И сейчас она была здесь, в нескольких шагах от него. Она стояла и смотрела на него, а он смотрел на нее. Все это было так реально, что у него на глаза навернулись слезы. Он смотрел на нее и плакал, а она продолжала улыбаться, как ни в чем не бывало. Справившись с эмоциями, Уотсон на секунду поднял глаза к небу и прошептал, обращаясь неизвестно к кому:

– Спасибо!

Даже в пустыне его накрыл вездесущий опиум для народа, вызывая в мозгу привычную наркотическую реакцию. Девушка снова улыбнулась и направилась в пустыню. Уотсон побежал за ней, но почему-то не мог ее догнать. Чем быстрее он бежал, тем больше она отдалялась. Наконец, он без сил упал на песок и в отчаянии стал биться лбом об этот песок, надеясь либо разбить свою голову, либо весь этот мир, что в принципе, и есть одно и то же.

Послышался негромкий голос. Перестав биться об землю,

Уотсон застыл и прислушался. Он не открывал глаза, а лишь внимательно вслушивался в тишину пустыни. И в этой тишине снова прозвучал негромкий, мелодичный и невероятно глубокий голос.

– Здравствуй!

Дрожа не то от страха, не то от любопытства, не то от непонятного возбуждения, Уотсон открыл глаза и поднял голову. Рядом с ним стоял бог. Таким Уотсон с детства представлял себе бога – человек в белой мантии с длинными черными волосами и бородкой, с лицом, похожим на лицо молодого Валерия Леонтьева. Уотсон вскочил с земли и упал перед богом на колени.

– Господи! – воскликнул Уотсон. – Это ты!

– Встань, друг мой, – сказал бог. – Тебе не за что себя винить.

– Спасибо, господи! – воскликнул Уотсон, вставая и глядя на бога.

– Ты ничего не хочешь спросить? – спросил бог.

На несколько секунд Уотсон впал в полное замешательство. Если бы вы вдруг встретили бога, о чем бы вы его спросили? В голове вертелся целый миллион вопросов, ум пребывал в смятении, не зная, какой же из этих вопросов самый важный... На помощь Уотсону пришли слова многих священников и философов, утверждавших, что главное в жизни – любовь. И вновь перед глазами встал образ девушки, ушедшей в пустыню. Не в силах сдерживать чувства, Уотсон

спросил бога:

– Кто она?

– Девушка твоей мечты, – ответил бог.

– Я и сам это прекрасно знаю! – возмущенно воскликнул

Уотсон.

– Раз знаешь, так чего спрашиваешь? – оборвал его бог.

– Ты ведь бог? – спросил Уотсон.

– Возможно, у тебя действительно солнечный удар, – ответил бог. – И с чего ты взял, что бог должен выглядеть именно так?

Уотсон стоял, раскрыв рот, не зная, что ответить.

– Если ты всю жизнь думал, что увидишь бога именно таким, – продолжал бог. – Каким же еще ты можешь его увидеть?

– Господи! – прошептал Уотсон, снова падая на колени.

В эту секунду он внезапно осознал, что бог на самом деле всегда был внутри него, точно так же, как образ той девушки, которая ушла в пустыню. Подняв голову, Уотсон огляделся, но вокруг не было никого, только небо и песок.

– Господи! – снова прошептал Уотсон. – А что, если бог... – это она?

Ему на память пришла строчка из песни, которую он где-то случайно слышал – то ли из открытого окна проезжавшей мимо машины, то ли проходя мимо динамика, передающего попсовую радиостанцию... Строчка была такая: «God must be your woman». Захваченный приливом чувств, Уот-

сон снова упал лицом в песок. А потом в душу начал заползать страх. Если в этой пустыне он встретил бога, то мог встретить и... скажем так, полную его противоположность. И над левым ухом раздалось рычание. Пропитавшись страхом до кончиков пальцев, Уотсон, не вставая, повернул голову. Конечно же, *он* был там. Это был страшный черный дракон, каким-то образом сочетавший в себе черты дракона, бешеного волка, змеи, каракатицы и даже... человека. Уотсон закричал, и дракон накинулся на него.

У некоторых людей вид пропасти вызывает желание упасть в нее, у других – желание преодолеть ее. Уотсон явно был из числа последних, поэтому вскочил и побежал со всех ног. Из-за спины доносилось рычание, но Уотсон боялся оглянуться. Жуткий страх, собравшийся комком в животе, нес его вперед, сделав ноги невероятно легкими. Уотсон бежал с такой скоростью, с какой не бегал никогда в жизни. У него мелькнула мысль, что если бы в этой пустыне проходили гонки «Формулы-1», то он, Уотсон, на ногах, смог бы обогнать Шумахера на «Феррари».

Тем не менее, несмотря на то, что Уотсон пробежал значительное расстояние, пейзаж ничуть не изменился. Тот же песок и то же небо.

«Господи! – в отчаянии подумал Уотсон. – Где же ты?»

Тут же прямо перед ним появился бог. Он стоял на месте, но не приближался и не удалялся, хотя Уотсон продолжал

бежать. В этом плане бог чем-то напоминал наклейку на ветровом стекле автомобиля.

– Господи! Помогите мне! – завопил Уотсон.

– Ты же только что понял, – мягко сказал бог. – Что я всегда был внутри тебя. И сейчас я внутри тебя. Все это внутри тебя.

В сознание Уотсона, как в глухо запертую дверь, постучалась мысль. Она не просто стучалась, но гроыхала так, что дверь затряслась под ее ударами. Но Уотсон ни за что не хотел пропускать эту мысль в сознание. Но все же она вышибла дверь и вошла.

«И – ОН, – подумал Уотсон. – ОН тоже внутри меня!»

Как только эта мысль снесла с петель двери сознания, Уотсон остановился и круто развернулся. Дракон налетел на него, Уотсон только успел зажмуриться, раскрыть рот и заорать изо всех сил. Изо всех тех сил, которые позволяли ему бежать быстрее, чем едет «Феррари» Шумахера. Само собой, крик получился весьма громким. Обессилевший Уотсон мягко шлепнулся на песок, когда от страха у него подкосились ноги.

Открыв глаза, Уотсон увидел, что он сидит на земле, прильнув спиной к переднему левому колесу своего джипа, стоящего на автостоянке перед отелем «Desert Rose». Проходивший мимо старик взглянул на часы.

– Ну что, мистер Уотсон, 17:24 нового дня, – сказал старик. – С вас сто долларов.

Испустив тихий, блеющий стон, Уотсон поднялся на ноги. Ему казалось, что прошло всего несколько минут, но желудок говорил, что голоден он гораздо дольше.

– Отличная у вас тут пустыня, – пробормотал ошарашенный Уотсон.

– Сто долларов, – напомнил старик.

К счастью, бумажник по-прежнему лежал в кармане джинсов. Отдавая старику очередную зеленую бумажку, Уотсон обалдело уставился на бумажник. Там лежала ее фотография.

Я не помню, как я собирался заканчивать этот рассказ, потому что прошло полгода с тех пор, как я написал предыдущую строчку. Фактически, можно сказать, что писать этот рассказ начинал даже не я, ибо, как сказал греческий просветленный Гераклит, «нельзя дважды войти в одну и ту же воду», а его последователи дополнили эту фразу так: «один и тот же человек не может даже единожды войти в одну и ту же воду». На первый взгляд, абсолютная чушь, а на самом же деле – чистая правда, которую знает каждый просветленный, да не каждый может выразить. Поэтому я закончу рассказ так, как он должен закончиться в любом случае. Хотя я хотел написать его по-другому.

Пару дней Уотсон провел в отеле – пустыня сильно напугала его. А, кроме того, он так проголодался, что отъедался

целых два дня. И еще – он почти непрерывно пялился на ее фотографию.

Уотсон глядел на фотографию часами, и слезы наворачивались на его глаза, и он плакал, а потом вдруг начал смеяться сквозь слезы. Безымянный старик каждый день в 17:24 брал у Уотсона сто долларов. Наконец, Уотсону надоело сидеть в номере. Он решил снова пойти в пустыню, пусть даже в последний раз, и – будь что будет. Выходя из номера, он попрощался с Элис, по-прежнему сидевшей в позе лотоса. Она не ответила.

На крыльце все еще сидел старик. На этот раз, увидев Уотсона, он оживился.

– Привет! – сказал старик. – Ну, как, соскучился по пустыне?

– Я иду туда, – ответил Уотсон. – На всякий случай – прощайте!

– На всякий случай, до свидания, – улыбнулся старик. – В 17:24, помнишь?

– Вам виднее, – ответил Уотсон. – Боюсь, что пустыня нарушает мое восприятие времени.

– Всего-то? – спросил старик.

– Нет, – ответил Уотсон. – Она еще много чего нарушает.

И он решительно направился в пустыню.

– Эй, доктор Ватсон, я тебе дам одну маленькую подсказку, – крикнул старик ему вслед.

Уотсон остановился и оглянулся.

– Ты приехал сюда, чтобы получить ответы на все вопросы, – сказал старик. – Ответы не в пустыне. Они в тебе самом. Пустыня просто помогает остаться с собой наедине.

Уотсон почувствовал, как у него снова подгибаются колени. И в ту же секунду отель и старик исчезли. Вокруг была пустыня. Пустыня и небо. Вновь сбитый с толку, Уотсон присел на песок. И снова над ухом раздался голос:

– Здравствуй!

Уотсон вскочил. Перед ним стоял бог.

– Я хочу ее видеть! – заорал Уотсон.

– А я здесь причем? – спросил бог. – Хочешь видеть – видишь. Я ничем не могу тебе помешать.

– Где она? – уже более спокойно спросил Уотсон.

– Где-то в этой пустыне, – ответил бог.

– А пустыня большая? – спросил Уотсон.

– Пустыня по размерам равна тебе самому, – ответил бог.

Уотсон огляделся. Ему показалось, что линия горизонта несколько отдалилась, и... это невозможно, но она продолжала удаляться прямо на его глазах. Пустыня была бесконечной.

– Так я бесконечен? – спросил Уотсон.

– Разберись, чего ты хочешь, – ответил бог. – Ты хочешь стать бесконечностью или хочешь видеть ее?

– А все вместе нельзя? – спросил Уотсон.

– Я этого не говорил, – ответил бог. – А ты сможешь представить себе это «все вместе»?

Уотсону не понадобилось долго думать – он понял, что все это вместе представить себе он не сможет. Мысли путались. Тогда Уотсон зажмурился изо всех сил и – увидел ее. Ее образ стоял перед глазами в переплетении пляшущих пятен света.

– Незачем так жмуриться, чтобы что-то увидеть, – донесся до Уотсона приятный женский голос.

Он открыл глаза и увидел ее – она стояла там, где только что стоял бог.

– Как? – выдавил из себя потрясенный Уотсон, разглядывая ее.

– Ты хотел что-то спросить? – спросила она.

– Как тебя зовут? – выдохнул Уотсон.

– А какое имя тебе нравится? – улыбнулась она.

– Мелинда, – ответил он.

– Ты угадал, – сказала Мелинда. – Именно так меня и зовут.

– Это невозможно! – воскликнул Уотсон, видимо, остатки рациональности на секунду взяли в нем верх.

– Почему? – спросила Мелинда. – Ты хотел увидеть меня – я здесь. Ты хотел угадать мое имя – ты угадал его. Ты хотел найти ответы на вопросы...

– Тебе мешает мир, – донесся до Уотсона голос бога. – А мир у тебя в голове.

– Весь мир у меня в голове! – тихо произнес потрясенный Уотсон. – Весь мир у меня в голове! – повторил он чуть

громче, и, наконец, заорал на всю пустыню:

– Весь мир у меня в голове!

– Ты тоже в чьей-то голове, – усмехнулся рядом кто-то, одетый в «Адидас», но Уотсон не обратил на это внимания.

Вместо того чтобы прислушиваться к голосам, Уотсон подошел к Мелинде, взял ее за руку и сказал:

– Пойдем отсюда!

– Пойдем! – улыбнулась она.

Они шли по бескрайней пустыне. Временами Уотсону казалось, что они едут по пустыне в его джипе и Мелинда говорит:

– Ну, надо же, какое совпадение! Мы в один день въехали в один отель и встретились только в пустыне! Здесь, на краю света, и, правда, случаются чудеса!

Потом Уотсон стряхивал с себя полудрему, и они снова шли по пустыне. Иногда ему казалось, что они живут в его большой квартире в огромном городе. Иногда ему казалось что-то еще. Но чаще всего они молча шли по пустыне. И однажды Мелинда спросила:

– Куда же мы идем?

Уотсон и сам толком не знал, поэтому ответил то, что казалось ему очевидным:

– К горизонту.

– Конечно, – кивнула Мелинда. – И как я могла забыть? Мы идем к горизонту.

И они шли к горизонту, который убегал от них все дальше и дальше. Пустыня была бескрайней, как они сами, но они все шли и шли к горизонту, зная, что никогда не дойдут до него. И это наполняло их безграничной радостью, ибо они, близнецовые пламена, теперь навсегда были вместе. А их вечная жизнь превратилась в наполненное радостью путешествие по несуществующей пустыне к несуществующему горизонту.

P.S. Сидя на крыльце, старик провожал взглядом удаляющийся джип. Когда джип исчез, старик посмотрел на пустыню и улыбнулся. Они с пустыней знали, что мир никогда не признает себя побежденным, он никогда не отпустит от себя своих призраков. Даже, несмотря на то, что случилось на самом деле. Подняв в воздух облако пыли, около гостиницы затормозила очередная машина.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.